

С наступлением нового года пришло время весенних государственных экзаменов. В усадьбе Ци даже Праздник весны справили без привычного размаха — боялись, что суета и визиты гостей помешают старшему молодому господину, Ци Фэнцзю, повторять каноны. Прославившийся своим умом на всю столицу, он считался самым желанным гостем и главным фаворитом среди завсегдатаев Башни Чжуаньюаня. И старый господин Ци, и его супруга всем сердцем уповали, что их сын превзойдет остальных и завоюет высшую награду, став «трижды первым».

Однако в последнее время Ци Фэнцзю то и дело витал в облаках. В первый месяц года старый учитель, которого пригласил его отец, трижды окликнул его во время урока, но юноша лишь безучастно смотрел перед собой. Решив, что ученик возгордился своим талантом и выказывает неуважение, старец в гневе взмахнул рукавами и покинул усадьбу. Ци Фэнцзю лично отправился к нему с извинениями и дарами, но вспыльчивый наставник даже не открыл дверь, разразившись бранью прямо с порога:

— Неужто под всем этим небом один лишь молодой господин Ци умеет складывать знаки в слова?! Возомнил, будто звание чжуаньюаня у него уже в кармане? Какое легкомыслие, какая гордыня! Что ж, старик посмотрит, каков будет твой удел на этих экзаменах!

На крики сбежались другие ученые мужи и их ученики. Ци Фэнцзю сгорал от стыда под их любопытными взглядами.

Подавленный, он возвращался домой. Проходя по крытой галерее главного двора, Ци Фэнцзю услышал голоса: его матушка беседовала со знатными гостями.

— Мой сорванец тоже целыми днями из-за книг не вылезает, — донесся вздох одной из дам. — Если бы он проявил усердие да сам сдал экзамены на степень цзиньши, супругу не пришлось бы тратить кучу денег, чтобы купить ему должность... Да только в столицу съехалось столько одаренных мужей, разве это просто?

— Ну, если уж говорить об умении воспитывать детей, то кто сравнится с госпожой Ци? — подхватила другая. — Ее старший сын, даже если будет спать круглые сутки, все равно окажется на голову выше наших лоботрясов, которые взялись за ум только перед самым боем!

Госпожа Ци от столь щедрой похвалы так и расцвела.

— Полно вам, — с улыбкой проговорила она. — Какая радость в том, чтобы просто получить цзиньши? Лишь тот, чье имя украсит золотой свиток, кто с триумфом проедет верхом по столичным улицам, по-настоящему оправдает десять лет изнурительного труда у холодного окна.

— Легко вам говорить! — напускно заворчали гости. — Кому не известно, что победа у вашего Фэнцзю в руках? Не нужно нас смущать, лучше сразу готовьте праздничные столы для пира в честь нового чжуаньюаня!

У Ци Фэнцзю перехватило дыхание. Он тяжело оперся о деревянный наличник окна.

Из комнаты вновь донесся голос матушки:

— К тому времени в нашем доме случится не одно радостное событие! Помните, позапрошлым годом княгиня Цзинь похлопотала, чтобы моего супруга продвинули по службе? Вы еще допытывались, с чего бы ей проявлять такое усердие. Признаюсь вам честно: вовсе не потому, что я прихожусь ей тетушкой. Все дело в ее родном младшем брате. Хотя наши семьи давно сговорились, обручение мы до сих пор официально не скрепили. Столько лет тянули — а почему, как думаете? Да потому, что мой Фэнцзю еще не сдал экзамены и не получил чин. Мы просто боялись задеть гордость его брата, ведь он из благородных! Но стоит моему сыну показать себя на испытаниях, у них не останется причин медлить. Тогда Фэнцзю станет не просто новоиспеченным чжуаньюанем, но и зятем маркиза, свояком самого князя Цзиня!

В голове у Ци Фэнцзю загудело. Тяжкое бремя чужих надежд и страх перед экзаменами и без того извели его до предела. Прежде он успокаивал себя мыслью:

«Даже если срежусь сейчас, попытаю счастья через три года. Главное, когда маркиз Цзянлин прибудет в столицу и закрепит наш союз, исполнится мое самое заветное желание»

Но слова матери обрушились на него ушатом ледяной воды. Он с ужасом осознал:

«Если я провалюсь, надо мной будет смеяться вся столица, а помолвка пойдет прахом!»

Шелковый полог качнулся, и на крыльцо вышла личная служанка госпожи Ци. Заметив мертвенно-бледного юношу, она удивленно спросила:

— Молодой господин Фэнцзю? Отчего вы не заходите?

— Нет, не нужно... — Ци Фэнцзю поспешно отступил на пару шагов и замахал руками. — Мне... мне надобно вернуться к книгам.

Служанка прикрыла рот ладошкой и хихикнула:

— Ох, поглядите на него! Если уж вы станете заниматься еще прилежнее, остальным книжникам точно житья не будет!

Спина Ци Фэнцзю взмокла от холодного пота. Ветреный сквозняк ранней весны пробрал его до самых костей. Ему безумно хотелось закричать во весь голос:

«Это вы, вы своими разговорами не оставляете мне жизни!»

Но он был старшим молодым господином Ци — образцом благородства, изящества и выдержки. Разве мог он позволить себе малодушную истерику? Подавив рвущийся из груди крик, Ци Фэнцзю натянул вымученную улыбку и скорым шагом направился в сторону кабинета.

Минуя сад, он в смятении скользнул взглядом по деревьям и вдруг замер. У дальних кустов стоял его младший брат, Ци Хэли. Статный, подтянутый, с серебряным копьём в руке, он склонился к стоявшему перед ним гэеру и о чем-то тихо с ним беседовал. Присмотревшись, Фэнцзю похолодел: собеседником брата оказался Чжухэнь, слуга Мэнчжэня!

Новая волна страха захлестнула его душу. Неужели Хэли проболтается? Что, если он расскажет о том, кто на самом деле вытащил Мэнчжэня из ледяной купели?

Едва дыша от тревоги, Ци Фэнцзю заперся в кабинете и разложил на столе свитки Четверокнижия и Пятиканония. Но сосредоточиться не получалось. Строчки расплывались перед глазами, иероглифы кривились, превращаясь в зубастых чудовищ, готовых утащить его в бумажную бездну и поглотить без остатка.

Вечером, когда старый господин Ци возвращался с пиршества, Фэнцзю по обыкновению встречал отца у ворот. Глава семейства, изрядно хмельной, покачиваясь, выбрался из паланкина. Бросившись на помощь, юноша подхватил его под руку. От отца разило густым шлейфом дешевых благовоний и пудры.

— Батюшка, вам следует поберечь здоровье, — тихо проговорил Ци Фэнцзю. — Стоит ли так часто делить чашу с этими людьми?..

— А для кого я стараюсь, по-твоему? — пробормотал старый господин Ци заплетающимся языком. — Сегодня господин Тянь созывал гостей. Я переговорил с нужными людьми. Получишь свой титул — и сразу пристроим тебя на службу в одно из Шести министерств... Кха! И какой прок протирать штаны в Академии Ханьлинь, переписывая пыльные книги? То ли дело министерское кресло!

Ци Фэнцзю молча сглотнул горький ком.

Отец сжал его ладонь с пьяной, но тяжелой настойчивостью:

— Сын мой, Фэн-эр... Ты должен оправдать мои надежды. Наша семья... весь наш род теперь смотрит только на тебя.

Две миловидные служанки увели нетвердо стоявшего на ногах господина в жилые покои.

Во дворе воцарилась тишина. Весенняя ночь дышала прохладой. Ци Фэнцзю остался стоять посреди пустого сада, затерянный в безмолвных сумерках.

В этом бренном мире у каждого своя чаша скорби. Своя ноша у Ци Хэли, своя — у Ци Фэнцзю. И если взглянуть под таким углом, то судьба ко всем на удивление беспристрастна.

— Откуда взялся этот недуг?! Куда смотрели слуги?! — гневно восклицала госпожа Ци, меряя шагами комнату. — Немедленно пошлите за лекарем! До весенних экзаменов сын должен стоять на ногах, во что бы то ни стало!

Ци Фэнцзю, бледный и осунувшийся, полулежал на постели. Даже когда лекарь приложил пальцы к его запястью, юноша не выпускал из свободной руки раскрытый свиток.

Пожилой целитель задумчиво погладил седую бороду:

— Молодой господин подхватил сильный жар. Холод проник глубоко в тело. Ему необходимы покой и добрый уход.

— Какой еще покой?! — всплеснула руками госпожа Ци. — Через месяц весенние испытания! Откуда взять время на праздное лежание? Уважаемый лекарь, найдите сильное средство, сын обязан оправиться в кратчайшие сроки!

— Успокойтесь, госпожа, — лекарь умиротворяюще приподнял ладони. — У меня есть один рецепт... Но снадобье это чрезвычайно сильное, я бы сказал, резкое.

Госпожа Ци нетерпеливо отмахнулась:

— Не скупись на редкие травы, бери любые! Главное — излечить его. Если из-за твоих промедлений мой сын упустит звание чжуанъюаня, тебе своей головой не расплатиться!

Пока они спорили, Ци Фэнцзю даже не поднял взгляда от страниц, словно все происходящее его не касалось. Лекарь выписал рецепт, и вскоре слуга внес в покои чашу с темным, как тушь, варевом. Юноша осушил ее единым вздохом, даже не поморщившись.

Глубокой ночью, когда он со свечой разбирал очередной трактат, в горле у него вдруг нестерпимо запершило. Он судорожно прижал к губам шелковый платок, содрогнулся в приступе кашля — и на белую ткань брызнула темная кровь.

Лекаря подняли среди ночи. Осмотрев больного, тот лишь закивал, уверяя, что эта кровь — застоявшийся холод, сковавший легкие, и раз уж он вышел наружу, то со дня на день наступит выздоровление. Госпожа Ци принялась истово молиться буддам, шепча слова благодарности.

И лишь сам Ци Фэнцзю понимал: после этой вспышки кашля пальцы его ослабли настолько,

что он едва удерживал кисть. При тусклом свете свечи он заметил, как лекарь прячет глаза, а на лбу у него выступила испарина. Но разоблачать обманщика юноша не стал. Напротив, в глубине его истерзанной души шевельнулось странное, робкое облегчение.

Миновало полмесяца, но Ци Фэнцзю так и не поправился. Цзян Мэнчжэнь, поначалу решивший, что кузен просто простудился на весеннем ветру, никак не ожидал, что болезнь окажется столь тяжелой. Встревоженный, он поспешил навестить больного. Однако в покоях Фэнцзю не оказалось. Слуга объяснил, что сегодня молодому господину полегчало и он пожелал выйти в сад, велел нести за ним гуцинь.

Из глубины садового павильона доносились неровные, прерывистые звуки струн. Цзян Мэнчжэнь остановился у подножия декоративной горки, прислушиваясь. В переливах музыки сквозила такая беспросветная печаль, что у него сжалось сердце. Он поднялся по ступеням беседки.

— Братец Фэнцзю, вы ведь еще не окрепли. К чему эти труды? Зачем без нужды растрачивать силы?

— Мэнчжэнь... — Ци Фэнцзю обернулся. Плотный зимний плащ висел на его исхудавших плечах, а бледный лоб обвивала белая повязка, призванная уберечь от злых поветрий. Лицо его казалось совсем прозрачным. — Я лишь подумал, что негоже упускать эти весенние дни. Помнишь, когда ты впервые порог нашего дома переступил, тоже цвели сады?.. Как быстро утекают годы, точно вода сквозь пальцы.

Сев напротив кузена, Цзян Мэнчжэнь мягко проговорил:

— Весна возвращается каждый год, да и экзамены устраивают регулярно. Не получится сейчас — попытать счастья можно в следующий раз. Не изводите себя, братец.

Ци Фэнцзю грустно улыбнулся в ответ. В их огромном поместье один лишь Мэнчжэнь разделял его тревогу и находил в себе силы сказать эти слова. Но Мэнчжэнь не знал главного: именно он оставался той самой причиной, по которой Фэнцзю не имел права на неудачу. Юноше пошел девятнадцатый год — для гэера возраст весьма почтенный. Ждать еще три года? Нет, этот брак сорвется, его непременно отдадут другому.

Пальцы Ци Фэнцзю беспорядочно скользнули по инструменту. Звуки метались, вторя сумятице в его душе, как вдруг раздался резкий, жалобный звон — лопнула струна. Оба вздрогнули, пораженные внезапным обрывом мелодии.

— Велите натянуть новую, — виновато улыбнулся Ци Фэнцзю. — Мэнчжэнь, сыграй для меня, прошу.

Мэнчжэнь не стал отказываться. Передвинув инструмент поближе, он коснулся струн и завел неторопливую, умиротворяющую мелодию «Заклинания Пуаня». Кругом щебетали птицы, сад

утопал в цветущем великолепии молодой весны, однако из-за изможденного вида Ци Фэнцзю в беседке веяло могильным холодом. Юноша бессильно прислонился к резным перилам, закрыв глаза. И вдруг — вновь резкий металлический звон. Струна лопнула во второй раз.

Они переглянулись. Тревожное предчувствие беды невидимой тенью легло между ними.

Сжав в руке тяжелое копье, Ци Хэли вышел на садовую площадку для упражнений. С высоты декоративной горки донеслись едва слышные переливы струн. Он поднял взгляд и замер: на вершине, укрытый сенью беседки, Цзян Мэнчжэнь играл для его старшего брата. Они сидели друг напротив друга, согретые ласковым весенним солнцем, обмениваясь нежными, полными понимания взглядами. Настоящие небожители, сошедшие с древнего свитка.

Они вели неспешные беседы, пили чай, слагали изящные стихи в честь распускающихся бутонов. А он? Стоило ему взмахнуть копьем, как на землю градом посыпались бы лепестки и сорванные листья. Грубый воин, способный лишь разрушать хрупкую красоту.

Ци Хэли до боли сжал древко оружия. Внутри него крепла горькая мысль:

«Болезнь брата скоро отступит. Когда закончатся весенние испытания, я своими глазами увижу, как сыграют их свадьбу. И тогда... тогда я покину этот дом навсегда. И больше никогда сюда не вернусь»

<http://bllate.org/book/19598/2002412>